

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РЕСТРИКТИВНЫХ ОБОРОТОВ В СИНТАГМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

(на материале французского, испанского и итальянского языков)

АРУНАС СТУОГИС

Структурные компоненты предложения распределяются между двумя главными его членами, образуя группу подлежащего и группу сказуемого. За исходную модель предложения современные французские лингвисты принимают синтаксический комплекс, который расчленяется на две группы, называемые именной и глагольной синтагмами [Dubois, 1967, p. 17].

Обстоятельства, как и дополнение, являются второстепенными членами предложения, дополняющими, прямо или косвенно, подлежащее и сказуемое. Обстоятельственные слова не служат обозначением точки завершения действия, а относятся ко всему предложению в целом, внося в него еще некоторые детали.

Как и все знаменательные слова, выраженные именными элементами, обстоятельство может подвергаться рестрикции, но в таком случае рестрикция носит иной характер, чем при подлежащем и дополнении, которые непосредственно связаны с глаголом. Как известно, в большинстве случаев обстоятельство ставится после глагола, который дополняет. В зависимости от собственного содержания, значительности и в связи с требованиями ритма и коммуникативного членения высказывания обстоятельство может помещаться в начале, в конце и в середине предложения. В основном же его место обуславливается не грамматически, а стилистически. Рестрикция оказывает определенное влияние и на обстоятельство, так как от нее зависит его смысловой характер.

Для выделения обстоятельств в романских языках используются те же рестриктивные средства, что и для выделения других членов предложения. Например:

фр. *Je ne vis plus que dans cette pièce, entre les chaises de paille un peu creusées, l'armoire dont la glace est jaunie, la table de toilette et le lit de cuivre* [Camus, 1957, p. 33].

исп. *No vivo más que en esta habitación, entre las sillas de paja un poco hundidas, el ropero cuyo espejo está amarillento, el tocador y la cama de bronce* [Camus, 1968, p. 24].

ит. *Non vivo più che in questa stanza, fra le sedie impagliate in cui si affonda un po', l'armadio che la specchiera ingiallita, la toilette ed il letto di otone* [Camus, 1959, p. 27].

В данных примерах рестриктивный оборот *ne... plus que* направляется на обстоятельство места, стоящее после глагола. С точки зрения функционального веса обстоятельство в данном примере дополняет семантику глагола. Глагол *vivre*, взятый отдельно без дополняющего члена, означает просто жить. Когда говорим *je vis*, констатируем факт: я живу, т. е. существую. В данном примере рестрикция, направляясь на обстоятельство места, уточняет образ описываемой жизни: *я живу только в этой комнате*, т.е. мой мир, окружающую меня среду, составляет лишь эта комната с перечисленной в контексте мебелью и больше ничто.

Между глаголом и обстоятельством нет прямой понятийной связи. Действие глагола реализуется в определенных обстоятельствах. В данном случае все три языка представляют идентичную картину без каких-либо отклонений. В приведенном примере обстоятельство места обозначает существенно новый признак, ибо наличие *plus* при рестрикции выражает предположение о том, что раньше говорящий субъект проживал в иных условиях.

Перестройка конструкции, т.е. перенос обстоятельства в начальное положение, повлекла бы за собой значительные изменения смысловой стороны, ибо невозможно применение рестрикции в виде *ne...que* к обстоятельству, стоящему в начале предложения. В таком случае пришлось бы прибегнуть к эмфатической конструкции: *c'est dans cette pièce que je vis* или направлять рестрикцию на обстоятельство при помощи безличного выделительного оборота — *il n'y que dans cette pièce que je vis*.

Наличие выделительных средств в начале предложения грамматически усложняет конструкцию, она становится тяжеловесной и тем самым становится ремой всего сообщения, тем, что выделяется особым образом. Во всей этой усложненной конструкции рестрикция как таковая исчезает. Она поглощается эмфазой и является одним из приемов *mise en relief*.

Аналогичные перестройки в испанском и итальянском языках дали бы следующие трансформации: исп. *Es en esta habitación que vivo. Sólo en esta habitación vivo*. ит. *E in questa stanza che vivo. Soltanto in questa stanza vivo*.

В данном случае соотношение рестрикции с французским *mise en relief* в испанском и итальянском языках приобретает своеобразный характер. Рестрикция в испанском и итальянском языках исчезает, а *mise en relief* остается, но он выражен не специфической конструкцией, соответствующей французской *c'est...que*, а наречием с рестриктивным значением или специфическим порядком слов.

А. Блинкенберг, говоря о месте обстоятельства в предложении и рассматривая различные варианты его размещения, указывает, что изменение места обстоятельства не имеет существенного значения [Blinkenberg, 1928, p. 208]. Но далее сам же А. Блинкенберг отмечает, что обстоятельство в конце предложения выполняет предикативную функцию, а в начале предложения является „психологическим“ субъектом высказывания, его основной точкой, или получает аффективную окраску [Blinkenberg, 1928, p. 210], т.е. несет особую смысловую нагрузку в предложении.

Однако рестрикция в обычном смысле при обстоятельстве места возможна только тогда, когда последнее стоит в конце предложения, ибо рестрикция своим первым элементом *не* привязана к глаголу, а *que* направляется на член предложения, на который направляет свое действие.

И другие обстоятельства подвергаются рестрикции в том случае, когда находятся в постпозиции по отношению к сказуемому. Например:

фр. *On ne vous fera entrer que pour l'énoncé du jugement* [Camus, 1957, p. 156].

исп. *Sólo lo llamarán cuando se pronuncie el fallo* [Camus, 1968, p. 99].

ит. *Non faranno entrare lei che per lettura della sentenza* [Camus, 1959, p. 131].

Распространено мнение о том, что всякое обстоятельство якобы должно иметь опорную форму — наречие. Такая концепция, вероятно, приемлема для французского и других романских языков, но не для всех обстоятельств, а лишь для определенных разрядов их, например, для обстоятельств места, времени, образа действия.

Что касается обстоятельства цели, то оно относится к той семантической разновидности названной категории, которая объективно лишена опорной формы — наречия. В этом его специфика [Зубова, 1974, с. 217].

В приведенных выше примерах на французском и итальянском языках предложно-именная конструкция занимает в функции обстоятельства цели фиксированное положение в предложении и при наличии рестриктивного оборота может находиться только в постпозиции по отношению к сказуемому. С точки зрения функционального веса она обнаруживает тесную связь с подлежащим словом, завершая его семантическую характеристику, и поэтому является структурно необходимым, обязательным элементом глагольной синтагмы, формально и семантически зависимым от нее. Французский и итальянский переводы данной фразы представляют полную аналогию: глагольное действие, обрамленное рестриктивными оборотами *ne...que* и *non...che*, направляется на обстоятельство цели, стоящее в конце предложения и выраженное существительным с предлогами *pour* и *per*. Совсем иная картина с точки зрения рестрикции наблюдается в испанском переводе данной фразы. Рестриктивный оборот *ne...que* заменен наречием *sólo*, и, самое главное, изменена в какой-то степени смысловая сторона высказывания, хотя француз-

ская и итальянская, с одной стороны, и испанская, с другой, тесно связаны. В испанском переводе данной фразы обстоятельство цели превратилось в придаточное предложение времени. Во французском и итальянском примерах говорится, что действующее лицо будет приведено только для заслушивания приговора. В испанском переводе данной фразы сказано, что оно будет приглашено тогда, когда будет объявляться судебный приговор. В первом случае акцентируется цель, во втором – время, момент, хотя это отражается только в формальных признаках (наличие союза *cuando*), а самым главным все равно остается цель – услышать судебный приговор.

Обстоятельства, особенно обстоятельства места и времени, чаще всего стоят в начале или в конце предложения. Они создают фон, на котором развивается действие. Однако обстоятельства могут стоять и в середине предложения (главным образом непосредственно после сказуемого, реже – между подлежащим и сказуемым). Например:

Le corps ramassé, le drap tiré jusqu' aux yeux, elle demeurait immobile ne recevant que sur ses paupières et sur son front le souffle glacé [Mauriac, 1927, p. 155].

Применение рестрикции к обстоятельству обусловлено постпозитивным его положением по отношению к глаголу в предложении. В большинстве случаев рестрикции подвергаются обстоятельства, стоящие в конце предложения, т.е. непосредственно за глаголом. Используя эмфатическую или безличную конструкции, рестрикции можно подвергнуть и обстоятельство, стоящее в начале предложения.

В данном примере обстоятельство места находится в середине предложения, между глагольной формой и ее объектом. Рестриктивный оборот *ne... que* распространяет свое воздействие на последующее обстоятельство, подвывая его ограничению, и вместе с тем он подчеркивает его.

Во французском и итальянском языках наиболее распространенный рестриктивный оборот *ne... que* (*non... che*) является обобщенным при передаче различных обстоятельственных отношений. Испанский язык в этом отношении несколько богаче французского и итальянского. Как указывает Р. Лалуар [Laloire, 1956, p. 191], он располагает специальным рестриктивным оборотом для передачи временного отношения. Например:

фр. Madame était dans sa chambre d'où elle ne descendait qu'un quart d'heure après [Flaubert, 1956, p. 280].

исп. Emma estaba en su habitación y no se presentó hasta un cuarto de hora después [Flaubert, 1972, p. 341].

ит. Del resto, osservò con ironia, — anche se entrambi celavano sotto la corazza lo stesso coraggio, le stesse passioni — Tancredi non riconosceva Clorinda che troppo tardi: quando ormai l'aveva uccisa [Céspedes, Nessuno, p. 259].

Итак, в испанском языке для передачи временного аспекта часто используется рестриктивный оборот *no...hasta*. Интересно отметить, что в данном обороте исчезает элемент *que*, основной носитель рестриктивного значения, а вместо него появляется предлог *hasta*, означающий сам по себе *до*. Тенденция замещения элемента *que* другими словами (например, противительным союзом *sino*) часто отмечается в испанском языке, и если оборот *no...sino*, являющийся синонимом оборота *no...hasta*, применяется во всех случаях, употребление *no...hasta* ограничено.

Как уже было сказано, обстоятельственные слова не являются специфическими дополнениями глагола, а относятся ко всему высказыванию. Однако обстоятельства образа действия, к которым часто присоединяют обстоятельства внутренней характеристики действия, относятся непосредственно к глаголу, являясь его детерминантами, и придают определенную характеристику всему высказыванию лишь опосредованно.

Признак, выражаемый обстоятельством внутренней характеристики, присущ этому действию подобно тому, как признак, выражаемый прилагательным, присущ предмету, выраженному определяемым существительным [Горюнова, 1966, с. 5]. Например:

фр. D'ailleurs, ils agissaient dans la fièvre, sans trop de prudence; ils *ne* pensaient *que vaguement* aux conséquences probables d'un meurtre commis, sans que la fuite et l'impunité fussent assurées [Zola, 1876, p. 301].

исп. Por lo demás, obraban con febril agitación, sin demasiada prudencia; *no* pensaban *más que vagamente* en las consecuencias probables de un crimen cometido sin que la fuga y la impunidad estuviesen bien aseguradas [Zola, 1972, p. 259].

ит. *Non vuol vestirsi che con abiti campagnuoli*, sembra che lo faccia apposta per metterci in imbarazzo [Céspedes, Nessuno, p. 134].

В данном случае в слове *vaguement* выявляется одно из качеств действия, обозначенного глаголом *penser*, причем это качество *vague* не может существовать независимо от явления, т.е. действия, выражаемого глаголом *penser*, при котором оно проявляется. Таким образом, основная отличительная черта категории внутренней характеристики действия – это неотъемлемость признака, заключенного в определении, от определяемого элемента. Так как в данном случае определяемым является глагол, то другой отличительной чертой определения является адвербиальность его связи с глаголом. Ввиду того, что в данном случае обстоятельство образа действия определяет глагол непосредственно, можно считать, что рестрикция является настоящей, хотя в сфере обстоятельств она во многих случаях лишь относительно из-за возможности относительно свободного размещения обстоятельства в предложении.

Рестрикция распространяется непосредственно на элемент, следующий

за глаголом. Чем теснее связь между глаголом и этим элементом, тем „более настоящей“ является рестрикция (имеется в виду рестрикция при прямом дополнении и обстоятельстве образа действия, поскольку при других членах предложения она функционирует больше как одна из разновидностей логического выделения).

С появлением выделительных оборотов *c'est... que, il y a* их общая структура начинает превалировать, поэтому рестрикция как бы заглушается и превращается в усиленное выделение.

При помощи рестрикции другие возможности действия ограничиваются, и читатель узнает, что герои *думали только туманно о возможных последствиях совершенного убийства*. Это идентично передано во французском и испанском языках.

Основной смысловой акцент данного высказывания сосредоточен в обстоятельстве, характеризующем глагол. Поэтому обстоятельство может находиться только в постпозиции к сказуемому, хотя вообще обстоятельство образа действия может находиться и в начале предложения. В данном случае выбор места определяется наличием рестрикции.

То же наблюдается и в итальянской фразе. Основной смысловой акцент заключен в обстоятельстве, характеризующем глагол, который поясняет, как одевалось лицо, о котором идет речь в предложении. Обстоятельство образа действия в данном случае поясняет и дополняет семантическое значение глагола.

Как известно, для образования рестрикции необходима отрицательная атмосфера, в которой она берет свое начало. Основным элементом, создающим отрицание, является первая часть приглагольного отрицания — частица *ne*. Однако отрицательную атмосферу можно создавать и посредством предлога *sans*, имеющего сильное отрицательное значение и обозначающего исключение. Например:

Les deux cous décrivirent leurs arabesques, les deux becs plongèrent en même temps, et puis ces monstres d'égoïsme s'éloignèrent lentement sans autre signe de gratitude que le droit qu'ils vous laissaient de les admirer [Gary, 1963, p. 39].

В предложении предлог *sans* своим значением приравнивается отрицанию, так как он указывает на отсутствие чего-то. Элемент *que*, останавливая развитие отрицания, придает ему обратное направление с оттенком утверждения и выделяет обстоятельство образа действия, уточняя способ обращения упомянутых субъектов.

Идентичная конструкция наблюдается в итальянском языке. Например:

Era un antico ufficiale dell'esercito del suo paese; ma il desiderio di vivere pomposamente, senz' altre risorse che lo stipendio, lo trascinò a commettere degli atti riprovevoli [Blasco Ibáñez, 1928, p. 117].

И во французской, и в итальянской конструкции отмечается присутствие вспомогательного компонента — прилагательного (*autre, altro*), способствующего более четкому выделению члена предложения, на который распространяется рестриктивный оборот.

Испанский язык немного отклоняется от указанной конструкции. Например:

Tenia Jacintito semblante agraciado y carilleno, con mejillas de rosa como una muchacha, y era rechoncho de cuerpo, de estatura pequeña, tirando un poco apañadísima, y *sin más pelo de barba que el suave bozo* que lo anunciaba [Galdós, 1964, p. 64].

В испанском примере предлог *sin* сопровождается количественным наречием *más*, усиливающим смысл отрицательного предлога и указывающим, что *борода росла не больше, чем нежный пушок*.

Подобно обстоятельству образа действия тесную связь с глаголом имеет обстоятельство количества. Например:

фр. C'est pourquoi j'ai fini par *ne plus dormir qu'un peu* dans mes journées et, tout le long de mes nuits, j'ai attendu patiemment que la lumière naisse sur la vitre du ciel [Camus, 1957, p. 165].

исп. Concluí, pues, por *no dormir sino un poco* de día y durante todo el transcurso de las noches esperé pacientemente que la luz naciera sobre el [vidrio del cielo] [Camus, 1968, p. 105].

ит. Così ho finito per *non dormire che un poco* durante il giorno e, lungo tutte le mie notti, ho atteso pazientemente che la luce nascesse sul vetro del cielo [Camus, 1959, p. 139].

В данных примерах смысловой акцент при помощи рестрикции сосредоточен на количественном наречии *un peu (un poco)*. Рестриктивный оборот, направляя глагольное действие на наречие, выделяет его, привлекает внимание рецептора, а следующее за ним обстоятельство времени лишь поясняет, подчеркивает его количественную сторону. Во всех трех языках конструкция предстает идентичной, без каких-либо отклонений.

Настоящая рестрикция образуется в отрицательной атмосфере, т.е. рестриктивный оборот *ne...que* обрамляет глагол, а инвертор *que* распространяет ограничительное и вместе с тем выделительное свое воздействие на последующий член предложения. Наблюдения показывают, что в сфере обстоятельств рестрикция такого рода применяется лишь для обстоятельств, находящихся в постпозиции по отношению к сказуемому, иными словами, для обстоятельств, стоящих в конце и в середине предложения. Однако она невозможна для обстоятельств, занимающих начальное положение в предложении, ибо они находятся в препозиции к сказуемому. В подобных случаях

следует прибегнуть к контаминированным формам рестрикции и эмфазы, способствующим одновременному выделению и подчеркиванию.

Часто при обстоятельствах встречается рестриктивный оборот *rien que*, который может соотноситься с разными обстоятельствами. Например:

фр. On voudrait avoir vingt ans ... oui, qu'on voudrait! pour se rattraper *rien qu'une fois* [Aymé, 1933, p. 167].

ит. Vorrei aver vent' anni, sì, lo vorrei proprio ... così, per rifarmi soltanto una volta [Aymé, 1968, p. 184].

исп. Dona Encarnación se encargó con su marido. — ¡ Pues si que has elegido un buen sitio!! Esto me pasa a mí por dejaros ir delante, ¡ nada más que por eso! [Cela, 1975, p. 115].

В данном случае оборот *rien que* выделяет обстоятельство количества, выраженное существительным без предлога и стоящее в конце предложения. Надо заметить, что оборот *rien que* очень подвижен и может занимать в предложении и конечное и начальное положение, что обусловлено местом обстоятельства, которое он выделяет. Поскольку в вышеприведенном примере обстоятельство занимает конечное положение, оборот *rien que* стоит соответственно в конце предложения.

Необходимость в большей логической акцентуации приводит к тому, что обстоятельство отодвигается в конец предложения. Но не только смысловой фактор обуславливает структуру рассматриваемого предложения: со смысловым фактором взаимодействуют ритмическая сторона и характер синтаксической связи между обстоятельством и другими членами предложения. Наблюдается определенная ритмическая „уравновешенность“ структуры предложения [Абросимова, 1964, с. 12].

Автор данного примера, видимо, намеренно поставил обстоятельство в конце предложения, чтобы придать ему аффективную окраску: *я хотел бы иметь двадцать лет, да, я хотел бы, чтобы еще раз попытаться наверстать упущенное*. В предложении чувствуется раскаяние о прошлом, и этому способствует в примере на французском языке оборот *rien que*, а в итальянском — наречие *soltanto*, выразительно передавая этот аспект в сочетании с обстоятельством времени. Следует отметить, что в итальянском языке использовано наиболее употребительное и универсальное рестриктивное средство — наречие *soltanto*.

В примере на испанском языке обстоятельство также занимает в предложении конечное положение. Рестриктивный оборот *nada más que* направляет свое воздействие на обстоятельство причины, выраженное сочетанием указательного местоимения среднего рода с предлогом. Вне контекста само обстоятельство *por eso* — совсем абстрактное, его смысловое содержание изложено в предшествующем предложении, где указываются мотивы и при-

чины действия говорящего субъекта. Рестриктивный оборот акцентирует эти причины, направляя свое воздействие на абстрактное сочетание *por eso*.

Подвижность рестриктивного оборота *rien que* доказывает тот факт, что он может занимать в предложении все три позиции: начальную, конечную и серединную. Например:

фр. *Ses allures, au-delà de deux pieds et demi, étaient longues comme le pas d'un homme. On sentait rien qu' à les voir la sûreté de sa marche sur la terre, réglée comme un battement d'un coeur que la crainte ne pouvait émouvoir* [Genevoix, 1967, p. 80].

исп. *Pero lo extraño fue que durante esos tres días se había desempeñado normalmente en su oficina de la contaduría; claro es que no lo velamos nada más que en las horas de comida, y durante ellas había hablado cuerdamente de cosas de rutina, si bien es cierto que ninguna vez se refirió a su accidente, ni volvió a sus fantásticos relatos* [Coloane, 1968, p. 86].

В данном примере французский рестриктивный оборот *rien que* выделяет обстоятельство образа действия, выраженное инфинитивом с предлогом, которое помещается между глаголом и его объектом. Устранение обстоятельства не внесло бы существенных изменений в предложение, ибо оно приносит лишь дополнительные детали, уточняющие образ действия глагола: *только лишь взглянув можно было почувствовать уверенность, с которой он шагал по земле*. Оборот *rien que*, расположенный в середине предложения, как будто расчленяет его, своим вмешательством нарушает его нормальный ритм.

Аналогичное явление можно усмотреть в испанском примере, где рестриктивный оборот *nada más que* также выделяет обстоятельство (в нашем примере обстоятельство времени), расположенное между глаголом и его объектом. В данном случае обнаруживается общая для французского и испанского языков типология.

Таким образом, рестриктивный оборот *rien que* заменяет оборот *ne...que* в начальном положении, а в других положениях может успешно соперничать с ним, являясь более подвижным.

Как и при других членах предложения, рестрикция при обстоятельствах образует ряд моделей, среди которых главной является *S+ne+V+que+ +C(circumstantia)*.

Из сказанного выше следует, что настоящей является рестрикция, которая направляется на дополнение, ибо оно неотделимо от глагола, необходимо для раскрытия его семантики. При подлежащем она уже более соотносительна с *mise en relief*, а при обстоятельствах является настоящей только в тех случаях, когда последние определяют глагол (это в основном обстоятельство образа действия).

**SUR LE PROBLÈME DU FONCTIONNEMENT DES TOURNURES RESTRICTIVES
DANS LE SYNTAGME DES COMPLÉMENTS CIRCONSTANCIELS
DANS LES LANGUES ROMANES (FRANÇAIS, ESPAGNOL, ITALIEN)**

A. STUOGYS

Résumé

La restriction à laquelle sont soumis les compléments circonstanciels dans plusieurs cas n'est que relative, fonctionnant comme un des procédés de la mise en relief. Pourtant la restriction qui porte sur le complément circonstanciel de manière peut être considérée comme authentique étant donné que ce dernier détermine directement le verbe.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абросимова, 1964 — Абросимова Т. А. Смысловая функция порядка слов в современном французском языке. — Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1964, т. 241.
- Горюнова, 1966 — Горюнова М. С. Предложно-именные конструкции в функции обстоятельство внутренней характеристики во французском языке. Автореф. канд. дис. — М., 1966.
- Зубова, 1974 — Зубова В. Р. Функционально-семантическая характеристика обстоятельства цели, выраженного предложно-именной конструкцией *pour* + substantif (на материале современного французского языка). — Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1974, вып. 75.
- Aymé, 1933 — Aymé M. La jument verte. — Paris, 1933.
- Aymé, 1968 — Aymé M. La giumenta verde. — Milano, 1968.
- Blasco Ibáñez, 1928 — Blasco Ibáñez V. I quattro cavalieri dell'Apocalisse. — Milano, 1928.
- Blinkenberg, 1928 — Blinkenberg A. L'ordre des mots en français moderne. — Kobenhavn, 1928, vol. 1.
- Camus, 1957 — Camus A. L'étranger. — Paris, 1957.
- Camus, 1968 — Camus A. El extranjero. — La Habana, 1968.
- Camus, 1959 — Camus A. Lo straniero. — Milano, 1959.
- Cela, 1975 — Cela C. J. Novelas cortas y cuentos. — Moscú, 1975.
- Céspedes, 1975 — Céspedes A., de. Nessuno torna indietro. — Milano, 1975.
- Coloane, 1968 — Coloane F. Tierra del Fuego. — Santiago de Chile, 1968.
- Dubois, 1967 — Dubois J. Grammaire structurale du français. Le verbe. — Paris, 1967.
- Flaubert, 1956 — Flaubert G. Madame Bovary. — М., 1956.
- Flaubert, 1972 — Flaubert G. Madame Bovary. — La Habana, 1972.
- Galdós, 1964 — Galdós Pérez B. Doña Perfecta. — Moscú, 1964.
- Gary, 1963 — Gary B. Lady L. — Paris, 1963.
- Genevoix, 1967 — Genevoix M. La forêt perdue. — Paris, 1967.
- Laloire, 1956 — Laloire R. Grammaire espagnole. — Gembloux, 1956.
- Mauriac, 1927 — Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. — Paris, 1927.
- Zola, 1876 — Zola E. Thérèse Raquin. — Paris, 1876.
- Zola, 1972 — Zola E. Thérèse Raquin. — La Habana, 1972.

LTSR valstybinė konservatorija
Kalbų katedra

Iteikta
1979 m. gruodžio mėn.